

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

В. Н. Ткачев

КАРАКОРУМ В XIII ВЕКЕ

Монголоведение всех эпох, начиная с эпохи Марко Поло и Рубрука, всегда находило в Каракоруме материал, требующий научного осмысления. За прошедшее время столица первых Чингисидов представляла как некий таинственный пульсар, исторгавший волну за волной орды неистовых завоевателей, затем как археологическое кладбище и, наконец, как хозяйственно-политический и культурный центр объединения монгольских племен в XIII в. Эти представления достаточно точно отражают и уровни становления самого монголоведения.

Интерес к Каракоруму в настоящее время определяется в контексте соотношения кочевого и стационарного начал в организации жизни степи, стремлением раскрыть диалектику систем расселения: стационарной и мобильной.

В предлагаемой статье делается попытка представить Каракорум как многофункциональное градостроительное образование, возникшее в конкретно-исторических условиях и своеобразно сочетавшее в себе структуру оседлого ремесленно-торгового и земледельческого города с планировочными принципами кочевой ханской ставки. В рождении, расцвете и упадке этой кочевой столицы отражены общие закономерности развития городов и особенности, присущие кочевой цивилизации.

Уже нет необходимости доказывать, что степные оседлые города территорий, исконно принадлежавших кочевникам, органично вписываются в схему «классического» кочевого образа жизни. Как источники земледельческой и ремесленной продукции, пункты торгового обмена, они — не альтернатива таборной жизни, а хозяйственный сектор, дополнительный по отношению к кочевому скотоводству, обеспечивающий полноукладность хозяйства кочевников. В периоды стабилизации государственности кочевых держав часто проявлялась тенденция к созданию собственных ремесленно-земледельческих баз. Даже орхонские тюрки, выработавшие к концу Второго каганата (552—745) доктрину антиурбанизма [Бичурин, 1950, с. 274], предприняли попытку завести собственное земледелие, для чего Капаган-хаган в ультимативном порядке затребовал у Китая орудия пахоты, посевной фонд и ... людей, которые должны были заниматься сельским хозяйством [Ögel, 1974, с. 245—246].

Ко времени Монгольской империи в степи сложилось несколько типов поселений, разных по масштабу и степени функциональной дифференциации: от небольших, обнесенных частоколом крепостиц для защиты амбаров с зерном до обширных городов с многотысячным населением, развитыми ремеслом и земледелием, оживленной торговлей, высоким уровнем интеллектуальной жизни. В городах накапливался опыт стационарного строительства, совершенствовалась планировочная структура, последовательно, с развитием феодализма, насыщалось их функциональное содержание.

Однако общее поступательное социально-хозяйственное развитие городов не исключало их появления и исчезновения соответственно периодам возвышения и падения племен — очередных властителей степи. В «героический» период консолидации и захвата территорий новая кочевая держава практически не нуждалась в городах, поскольку потребности в хлебе и предметах ремесла покрывались военной добычей. Стабилизация государства сопровождалась укреплением городов, появлением стационарных столиц, строительством пограничных крепостей, увеличением числа оседлых жителей. Упадок кочевых каганатов, ханств, империй означал разорение и гибель городов, восстановление тотального кочевого образа жизни.

Различные уровни социального развития племен, их господствующее или подчиненное положение в государстве, различные фазы политических событий на просторах Великой степи определяли удельный вес стационарных поселений в подвижной структуре кочевий, придавали мозаичность общей картине расселения: одновременно могли существовать города и таборное кочевание, курени и айлы; одни города гибли, другие процветали.

В соответствии с хозяйственными нуждами кочевников города населялись пленными, беглыми крестьянами, ремесленниками. Признак оседлости был той разграничительной линией, которая отделяла «свободных» скотоводов от подневольных, зависимых горожан, находящихся на низших ступенях социальной иерархии степи. Психология кочевника отрицала стационарность как унижающую достоинство состоятельного скотовода.

Такой стереотип общественного сознания сложился давно; на это указывают еще античные авторы. У скифов свободным и уважаемым членом общества считался владелец коня, дома на повозке и стад скота [Тереножкин, 1966, с. 38].

Демаркационная линия все же пересекалась. Во время войн, когда вся степь приходила в движение, часть оседлого населения вновь становилась кочевой. Но в целом для истории созревания кочевого феодализма характерно преобладание процесса оседания обедневших скотоводов [Марков, 1976, с. 309].

Стремление уберечь хотя бы внешние признаки принадлежности к «лучшей» части степного общества немало способствовало сохранению образа круглой юрты в формировании ста-

ционарного жилища, куренной структуры в планировке оседлого поселения.

Зажиточные скотоводы, особенно аристократы, стремились в любой форме подчеркнуть свой социальный статус «человека на коне». Поэтому кочевые столицы, потенциальными очагами которых были ставки князей и ханов, не скоро становились стационарными и сохраняли мобильный характер даже при наличии в стране развитых оседлых форм поселений.

Пока территориальное закрепление не приобрело в XVII в. хозяйственной и политической необходимости [Владимирцов, 1934, с. 110], в кочевой степи не действовали правила, обычные при основании столицы государства стационарной культуры: центр — на стабильном пересечении экономических, политических и военно-стратегических векторов.

Правда, культ предков, имевший важное значение в формировании общественного сознания и образа жизни кочевников, все-таки давал привязку, пусть мнемоническую, к священной земле предков. Реакция степного воина на обвинение в трусости не идет ни в какое сравнение с готовностью отразить попытки осквернения этой земли [Геродот, 1888, с. 360]. Места священных могил и мемориалов хранились в тайне. Однако постепенно их сакральные функции расширялись, они рассекречивались, приобретали и некоторое хозяйственное значение, превращались в личные резиденции ханов, как бы защищенные покровительством духов предков. Даже при формировании стационарной столицы эти резиденции сохранялись.

Пример чисто хозяйственной привязки к территории приводит Ц. Дамдинсурэн: исторический прототип сказочного Гэсэра, живший в XI в., кроме своей основной резиденции имел еще два города-склада [Дамдинсурэн, 1957, с. 96]. О том, что «важные господа имеют на юге поместья», упоминает и В. Рубрук [Рубрук, 1911, с. 75].

Образ жизни великого хана, самого богатого и знатного «пастуха», определялся сезонными перекочевками; четырежды в год хан со свитой перемещался по избранному маршруту. В местах излюбленных стоянок со временем появляются стационарные сооружения, но столицами эти лагеря были только на период пребывания в них хана. Личная резиденция хана, близ родовых святилищ, становилась еще одной, пятой столицей, так как бо́льшая часть важных государственных церемоний происходила здесь. Для поклонения предкам строились храмы, сначала временные, из легких разборных конструкций, затем стационарные.

Законченную картину компромиссного решения между представлениями о достойном кочевого аристократа образе жизни и неизбежной тенденцией оседания дают киданьские столицы, выросшие из сезонных ставок императоров и получившие впоследствии ряд административных функций [Е Лун-ли, 1979, с. 300].

Любопытна привязка этих столиц к башням, выстроенным как ориентиры в местах стоянок, разбросанных на сотни ли друг от друга [Е Лун-ли, 1979, с. 53]. Во время сезонных охот императоры передвигались между башнями, которые и дали начало столичным городам.

Система пяти столиц была не только у киданей, передавших монголам эстафету культуры, но и, например, у бохайцев [Окладников, 1957, с. 201]. Множественность и сменность столиц стали политико-административным оформлением кочевого феодализма на этапе его перехода к зрелой фазе, но как система организации жизни двора сохранились и позднее.

Хубилай, внук Чингис-хана, перенесший столицу из Каракорума в Пекин, жил там только зимой, а все остальное время проводил, как истый кочевник, в походах. Время в пути хан коротал, беседуя с компаньонами, в роскошном паланкине, который несли четыре слона. На стоянках разбивались богатые шатры или дворцы из сборных бамбуковых конструкций [Марко Поло, 1955, с. 117, 228].

Дели XVII в., столица Великих Моголов, снималась с места и двигалась огромным табором вслед за государем, спасающимся от летней жары или затеявшим войну. Два его разборных дворца попеременно разбивались на новом месте следующей стоянки и имели такие размеры, что сооружения одного из них перевозились на более чем шестидесяти слонах и сотнях верблюдов, мулов и носильщиков [Bernier, 1699, с. 218].

Маньчжурская династия, овладевшая Китаем, также ввела походный режим в организацию жизни императорского двора. Но кочевки императора Поднебесной были обставлены уже основательнее: во всех направлениях от Пекина построили с интервалом в 20 верст походные дворцы: малые — для обедов, большие — для ночлега [Покотилов, 1893, с. 12].

Таким образом, кочевые столицы, имея своим началом мобильные ставки ханов, противопоставленные по режиму жизни стационарным поселениям, с течением времени сливаются с последними, образуя оригинальные оседло-кочевые градостроительные системы.

Предшествующий опыт и последующие формы ставок-столиц в значительной степени определяют характер и монгольского градостроительства. На формирование и структуру монгольских столиц оказали влияние конкретные исторические события на северо-востоке Центральной Азии XII—XIV вв.

Начало монгольской государственности положено в местности Кодэ-Арал, в излучине среднего течения Керулена. Здесь Чингис-хана вознесли на войлоке и тем самым представили верховному божеству Тенгри в качестве великого хана [Дамдинсурэн, 1974, с. 108]. Его оседлая ставка носила название «Ауруг», т. е. двор, склад. Это был базовый город Чингис-хана, где, как полагают, находился его первый оседлый дворец. В этом же районе, неподалеку от священных могил предков и

капища, кочевали четыре ставки хана, управляемые его женами.

Монгольские столицы государственного значения начали, однако, формироваться не в Кодэ-Арале, а на 500 км западнее.

Почему Чингис-хан решил покинуть землю предков?

Средневековые историки объясняют это тем, что в землях на Орхоне были первые важные приобретения монголов; туда, на дороги к богатым среднеазиатским городам, переместился центр экономических интересов кочевников. Перенести на запад ставку заставило и соседство чжурчжэней, наиболее могущественных соперников монголов начала XIII в. Обе кочевые державы активно готовились к решающей схватке.

Главной задачей кочевников в подготовке армий было обеспечение их металлическим вооружением: наконечниками копий и стрел, мечами, латами, шлемами, а также продовольствием и транспортом — телегами, самой ценной деталью которых был цюн — чугунная втулка колеса. Основание военно-продовольственной базы в глубине страны, где имелись условия для металлургического и сельскохозяйственного производства, для развертывания войск, гарантировало ее безопасность.

Такой базой и стал Каракорум.

О нем было известно много. Посланник французского короля монах В. Рубрук в 1256 г. был принят в Каракоруме Мункэ-ханом и дал подробное описание города и ханского дворца. При всей объективности его отчета нельзя забывать, что Рубрук наблюдал кочевую столицу глазами средневекового европейского горожанина, точнее, обитателя монастыря. В XII—XIII вв. города и монастыри Европы, сжатые крепостными стенами, не превышали по площади 5—10 га [Грушка, 1963, с. 109], а в поперечнике — 300—500 м. Такими же были и размеры аббатства Сен-Дени, с которым Рубрук сравнивает Каракорум [Рубрук, 1892, с. 146]. А столица Франции (Сен-Дени было одним из ее предместий) представляла в это время несколько рассредоточенных очагов концентрированной застройки — о-в Ситэ, монастыри, замки, — которые быстро объединялись жилой застройкой, «изживали территориальную раздробленность» [Бунин, 1979, с. 145]. Вместе с тем отдельные районы сохраняли свою городскую автономию и старые названия.

На впечатления Рубрука влияли, конечно, и пороговые представления о плотности города. Средневековые города Европы были чрезвычайно плотно застроены, а кочевники не терпели скученности лагерей. Вот почему внимание Рубрука остановилось лишь на обнесенном крепостной стеной, квадратном в плане, городе «не больше Сен-Дени» с четырьмя воротами и более чем десятком храмов самых различных вероисповеданий (Рубрук оказался здесь не единственным миссионером!), а окрестные территории, занятые юрточными и палаточными лагерями, остались вне его поля зрения.

Отчет В. Рубрука не дал возможности установить местонахождение монгольской столицы. Плано Карпини и Марко Поло

до нее не добрались. Пока не была установлена хронология монгольской истории, исчезнувший Каракорум искали в самых разных местах. Г. Ф. Миллер, автор истории Сибири (1750 г.), изучая маршрут В. Рубрука, предположил, что Каракорум находился на берегах Иртыша [Миллер, 1937, с. 523—524].

После анализа средневековых китайских династийных хроник французским синологом Ж. П. Абель-Ремюза ни у кого не оставалось сомнений в расположении Каракорума в долине Далалха-Тала на Орхоне. Старинные рукописи и собственная оценка местности убедили историков в том, что «страна к востоку от Алтайских гор и к югу от Байкала всегда была центром могущества народов тюркской и монгольской расы... сборным пунктом для окружающих народов» [Abel-Rémusat, 1825, с. 17], что «это место, в котором все дышит для того, чтобы образовать государство на Хангае» [Ядринцев, 1890, с. 5].

Далалха-Тала — обширная долина в среднем течение Орхона, пригодная как для скотоводства, так и для земледелия, с существовавшими издавна очагами металлообработки, действительно была колыбелью государственности многих кочевых племен Центральной Азии: хунну, тюрков, уйгуров, монголов. На ее территории собраны памятники ключевых событий истории кочевников: погребения выдающихся полководцев и ханов, разрушенные мемориальные комплексы, оплывшие валы городищ, контуры целых кварталов застройки. Эти свидетельства интенсивной некогда городской жизни концентрируются вокруг двух очагов: руин уйгурской столицы VIII—IX вв. Карабалгаса и следов городских кварталов на северо-восток от Эрдэнэ-Зуу, ламаистского монастыря, строительство которого началось в 1585 г. Здесь и сошлись стрелки поиска Каракорума.

Знаменитая Орхонская экспедиция, организованная в конце XIX в. Российской Академией наук по инициативе академика В. В. Радлова, собрала в долине Далалха-Тала уникальный археологический материал, позволивший ощутить реальность территориальной привязки событий истории кочевников. Программным результатом экспедиции должно было стать «утверждение» места расположения Каракорума. К сожалению, взятые на вооружение представления о масштабе объекта ученые унаследовали от Рубрука.

Соседство Карабалгаса и руин при монастыре Эрдэнэ-Зуу — всего полдня конного перехода — естественно определило полярность гипотез о месте столицы Чингисидов, придадо особую остроту и тенденциозность сопоставлению материалов.

Участник Орхонской экспедиции Н. М. Ядринцев, подготовивший, в сущности, ее маршруты, идентифицировал Каракорум с уйгурским Карабалгасом. Но зафиксированные в отчетах экспедиции координаты $47^{\circ}15'$ с. ш. и $102^{\circ}20'15''$ в. д. (по Гринвичу) оказались ошибочными, так как показывали широту Эрдэнэ-Зуу, а долготу — близкую участку Карабалгаса, и только дополнительные указания на привязку города-столицы к горе

Эрдэнэ-Ула, «что около Хора-Болгосуна» [Ядринцев, 1890, с. 12—13], придали конкретность выбору. (Для справки: на современных картах координаты Эрдэнэ-Зуу следующие: 47°15' с. ш. и 102°50' в. д.).

Конечно, огромный и тщательно систематизированный материал, собранный экспедицией за короткий срок и в сложнейших условиях работы, ничуть не утрачивает своего научного значения из-за этой ошибки. Она была естественным следствием объективного состояния градостроительной науки конца прошлого века.

Советско-монгольская экспедиция 1947—1949 гг. под руководством видного советского ученого С. В. Киселева провела комплексные изыскания в районе монастыря Эрдэнэ-Зуу; подъемный материал раскопок указывал на размах металлургического производства в долине, интенсивную заготовку вооружения. Находки выявили большое стратегическое значение Каракорума в ряду других монгольских городов XIII в. Неподалеку от места, где Орхон вырывается из горных теснин и его воды развивают наибольшую энергию, необходимую для работы кузнечных горнов, были вскрыты кварталы плотно застроенного ремесленного поселения. Этот город кузнецов и гончаров — Каракорум С. В. Киселева, талантом которого разрозненные детали находок слились в единое, исторически достоверное и объемное описание монгольской столицы. Убедительно и ярко представлена С. В. Киселевым реконструкция ханского дворца.

Итак, два Каракорума?

Оба варианта — и Н. М. Ядринцева, и С. В. Киселева — хорошо аргументированы историческими данными и, несмотря на взаимоисключающие выводы, не противоречат один другому, если объективные результаты исследований сопоставить в иной плоскости, с учетом подвижности кочевых столиц.

Обратимся к хронике Каракорума периода становления.

Годом его основания считают 1220-й, когда на Орхон переносится ставка Чингис-хана. Вероятнее всего, местом ставки было избрано древнее городище у горы Малахитэ. В XII в. здесь размещалась резиденция хана керитов, названная Тахай-балгас [Даажав, 1974, с. 72]. Желтый походный шатер Чингиса поставили в центре просторного городища размером 400×400 м. Через три с половиной столетия на этом месте «родового очага» будет возведена юрта Абатай-хана, начавшего строить (или ремонтировать?) первые храмы Эрдэнэ-Зуу [Майдар, 1971, с. 67—68]¹. На месте юрты сохранилась обширная круглая платформа, окантованная каменным бордюром.

Застраивать Каракорум (Тахай-балгас) начали не ранее

---

¹ А. М. Позднеев в беседе с Э. В. Бретшнейдером, редактором XXII тома «Записок Императорского Русского географического общества», высказал мнение о том, что вал, окружающий монастырь Эрдэнэ-Зуу, и есть остаток древнего Каракорума [Палладий, 1892, с. 33].

1229 г., когда великим ханом стал Угэдэй, третий сын основателя империи.

С именем Угэдэя связан переход к новой экономической политике, к планомерной эксплуатации покоренных народов. Советники убедили хана в необходимости иметь стационарную столицу. И он дает распоряжение о строительстве (или восстановлении) дворца, названного Ваньянгуи (или Тумэн-амгалан — «Дворец мира на десять тысяч лет»). Младшие Чингисиды также должны были построить по дворцу. Информацию Рашид ад-Дина о том, что после строительства здания «стали прилегать одно к другому» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 40], нужно понимать так: участки дворцов примыкали друг к другу границами своих запретных зон, обязательных в пространственной организации ставок сановников на Востоке. В итоге аристократический квартал при очень разреженной застройке занял большую территорию вокруг дворца Угэдэя и вдоль Орхона на север.

Одновременно в 1234 г., когда достигла апогея борьба с чжурчжэнями, город обносится крепостной стеной, в которую были уже включены и кварталы оружейников за пределами Тахай-балгаса. В 1235 г. заканчивается строительство дворца, а уже через год Угэдэй переносит столицу к другому дворцу, на 40 км севернее первого. Еще через год составляются планы нового города и нового дворца, в 17 км от ставки, основанной Чингисом [Abel-Rémusat, 1825, с. 9]. В этом непостоянстве нет случайности или прихоти хана; он следовал обычаю, и строительные мероприятия велись в рамках благоустройства четырех сезонных ставок, разбросанных по долине Далалха-Тала: «...весенним его местопребыванием были окрестности Каракорума, летом — луговья... осенним — (местность) Куше-нор по Усункул, в одном дне пути от Каракорума, а зимним — Онг-хин» [Е Лун-ли, 1979, с. 529—530].

Таким образом, уже во времена Угэдэя Каракорум (в Тахай-балгасе) перестает быть единственным очагом стационарной застройки в этой долине Орхона, превращаясь постепенно в пятую столицу, освященную именем основателя, предназначенную для содержания государственного аппарата, приема посольств, демонстрации могущества империи.

Гуюк за короткое время своего правления (1246—1248) также сменил место ставки [Abel-Rémusat, 1825, с. 36].

Мункэ-хан кочевал дальними меридиональными маршрутами, назначив губернатора Каракорума. Только дважды в год, «проездом», он устраивал во дворце Тумэн-амгалан пиршества [Рубрук, 1911, с. 138]. Однако уже на второй год правления Мункэ пришлось уделить столичным делам больше внимания: против него готовился заговор приближенных принца Ширамуна. «В пределах Каракорума» (значит, не в самом городе!) [Рашид ад-Дин, 1960, с. 156] Мункэ по образцу киданьских городов-башен возводит в 1253 г. высокую пятиярусную пагоду Синъюаньгэ, издает указ о строительстве башни-обсервато-

рии в Мараге [Маньковская, 1980, с. 79]. География строительной деятельности Мункэ уже предвещает закат Каракорума как столицы. Учреждение ставки у оз. Долон-Нур и строительство г. Кайпина (1256—1259) указали направление перемещения монгольских столиц — Северный Китай. Хубилай, объявивший себя в Кайпине великим ханом (1260 г.), строит в Пекине храм восьми предкам, а в 1264 г. переносит туда и двор [Бичурин, 1828, с. 186], после чего на месте совершенно разрушенного Пекина, несколько севернее, по плану 1267 г. возводится Даду («Великая столица»), структура которой в общих чертах сохранена в планировке современного Пекина. Здесь идея пяти ступеней получила концентрированное выражение в виде четырех угловых башен города и центральной Барабанной башни, но уже не в подражание киданьским башням-ориентирам, а следуя буддийским представлениям о схеме мироздания.

Таким образом, в качестве столицы (большую часть времени — номинальной) империи Каракорум существовал с 1220 по 1260 г. Значение военного плацдарма, базы подготовки к завоеваниям город утрачивает еще раньше, в 1252 г., с уходом на запад последних отрядов армии Хулагу, завоевателя Ирана. Производство оружия свертывается, подвоз продовольствия к городу прекращается, и жизнь в Каракоруме постепенно замирает. Выплеск монгольского этноса за пределы собственно Монголии оказался подобным взрыву, и столица опустевшей страны переводится в ранг провинциального города.

Расцвет Каракорума в первой половине XIII столетия обязан интенсивной подготовке нашествий, объектами которых были ближайшие соседи монголов: государства Средней Азии, чжурчжэни, тангуты, Северный Китай.

Необходимость централизованной экипировки войск стала ведущим градообразующим фактором, вызвавшим Каракорум к жизни как объект строительных работ. Задача организации «военно-металлургической базы государства» [Киселев, 1957, с. 99] могла быть полноценно решена только посредством создания комплексного с функциональной точки зрения градообразования — с развитой металлообработкой, земледелием, ремеслом, торговлей, гарнизоном, войсками, прибывшими на комплектование, административным аппаратом, кварталами аристократической застройки, балластным населением.

Как производственно-экономический центр империи, Каракорум, где были сосредоточены огромные массы населения, занимал всю северную территорию долины Далалха-Тала, пригодную для поселения, и в этом плане его сравнение Рубруком с Сен-Дени неуместно. С Парижем — было бы допустимо. В период своего расцвета Каракорум синхронно Парижу проходил ту же стадию изживания территориальной разобщенности, а по росту населения в короткий период начала XIII в. опередил французскую столицу.

Очагами стационарной застройки города были районы: зем-

ледельческий Карабалгаса и металлургически-керамический близ городища Тахай-балгас,— а также возникающие цепочкой вдоль западной гряды гор и Орхона ханские и княжеские ставки (рис. 1).

Но в развитии кочевой столицы были и свои особенности.

Места в просторной долине хватало и земледельцам, и куреням воинов, и стадам скота, основные массы которого были рассредоточены по смежным долинам, окруженным невысокими, но хорошо укрывающими от зимней стужи горами. Однако земледелие и скотоводство взаимоисключают друг друга по способу использования земель. Поэтому в тех районах, где два хозяйственных уклада соседствовали, например в Чуйской долине Киргизии, поселения вместе с пашнями и садами обносились «длинными стенами», преграждавшими доступ скоту на возделанные земли. Стены древнего Согда достигали в длину 120 км [Кожемяко, 1959, с. 175].

Такая модель территориальной дифференциации использовалась, вероятно, и в долине Орхона. Стены здесь представляли невысокие валы с плетневым забором. Они защищали поселения ремесленников и земледельцев.

Территория между кварталами стационарной застройки была занята временными юрточными и палаточными лагерями войск, строительных рабочих, приезжих торговцев.

При всей очевидной стихийности застройки и незрелости структуры города он все-таки формировался по строгим законам организации жизненной среды, выработанным кочевниками Азии. Учитывался принцип социальной иерархии, взаимное расположение по странам света, выделялись охранные зоны вокруг ставок важных лиц. Куренная структура лагерей переплеталась с традиционной планировкой оседлых городов.

Выводы

1. Стационарные столицы кочевников (пусть даже на короткий период) возникают уже на ранних этапах формирования феодальных отношений в степном обществе как результат взаимного наложения двух процессов: усложнения состава кочевых ставок и их оседания; общего развития городов как центров ремесла, сельского хозяйства и торговли. Обычное число столиц — четыре-пять.

2. Каракорум как административная столица и плацдарм подготовки военных походов занимал практически всю долину Далалха-Тала, и отождествление его с ремесленным поселением у монастыря Эрдэнэ-Зуу или с уйгурской столицей Карабалгасом недостаточно, чтобы оценить подлинные масштабы этого гигантского градообразования, возникшего в «героический» период Монгольской империи.

3. Территория монастыря Эрдэнэ-Зуу, бывшее городище Тахай-балгас, есть генетическое ядро Каракорума как столицы.

4. Неустойчивость исторического градообразующего ядра степных столиц приводила к параллельному развитию несколь-

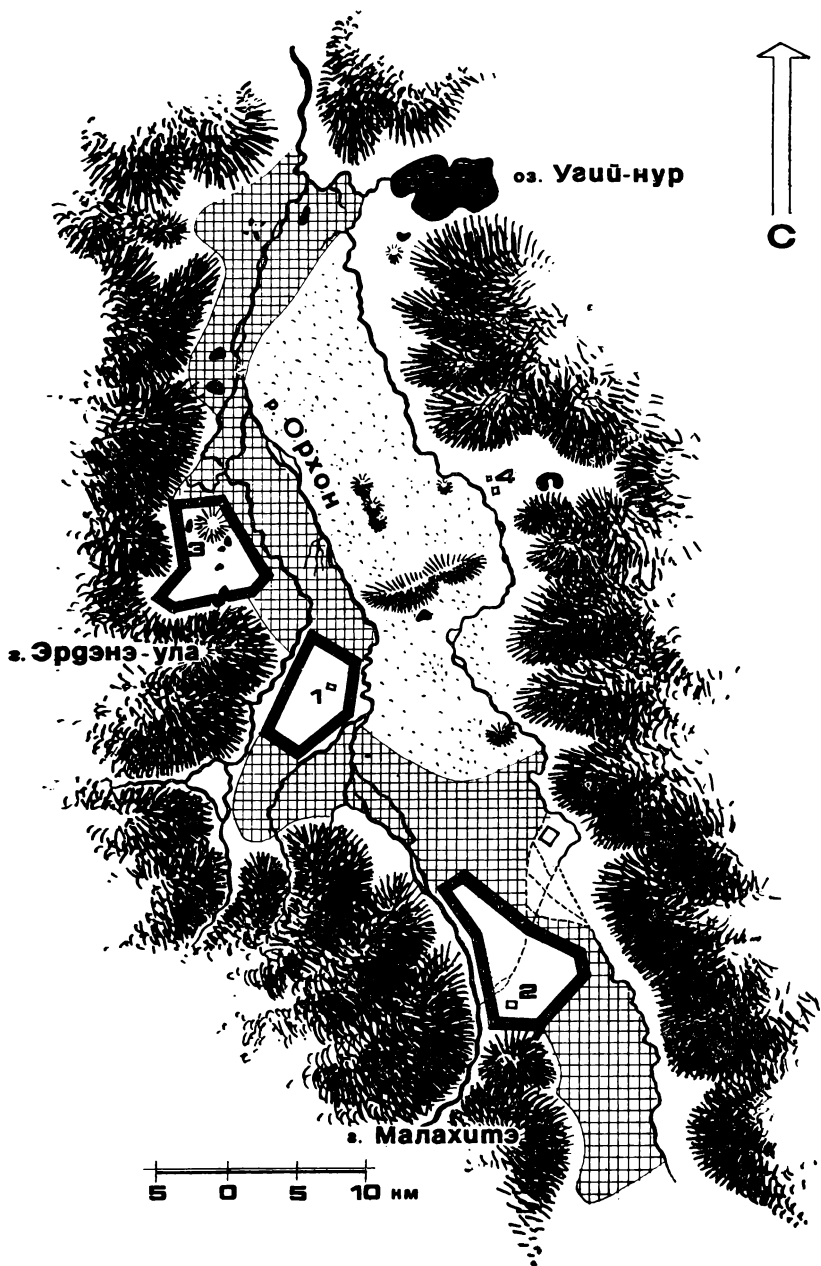

Рис. 1. Расположение Каракорума в долине Далалха-Тала. Жирным контуром обозначены очаги стационарной застройки; клеткой — юрточные лагеря; точками — обработанные поля.

Условные обозначения: 1 — городище Карабалгас, 2 — Тахай-балгас (Эрдэнэ-Зуу), 3 — Тойтен-толгой — «дворец ханши», 4 — тюркские мемориальные комплексы,

ких очагов городской застройки, иногда расположенных по соседству и попеременно принимавших на себя функции административного центра. Эта рассредоточенность столиц характерна для степного градостроительства во все периоды существования кочевого феодализма.

- Бичурин, 1828.— *Иакинф*. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. 2. СПб., 1828.
- Бичурин, 1950.— *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.—Л., 1950.
- Бунин, 1979.— *Бунин А. В.* История градостроительного искусства. Т. 1. М., 1979.
- Владимирцов, 1934.— *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Геродот, 1888.— *Геродот*. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. Кн. 1—4. М., 1888.
- Грушка, 1963.— *Грушка Э.* Развитие градостроительства. Братислава, 1963.
- Даажав, 1974.— *Даажав Б., Гэрэлхуу Ж.* Эрдэнэ-зуугийн уран барилга, түүний үүсч хөгжсөн нь.— Монгол Улсын Их Сургууль. Эрдэм шинжилгээний бичиг. 1974, № 47.
- Дамдинсүрэн, 1957.— *Дамдинсүрэн Ц.* Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.
- Дамдинсүрэн, 1974.— *Дамдинсүрэн Ц.* Исторические достопримечательности трех урочищ в Керулен Баин Улане.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улаанбаатар, 1974.
- Е Лун-ли, 1979.— *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М., 1979 (Памятники письменности Востока, XXXV).
- Киселев, 1957.— *Киселев С. В.* Древние города Монголии.— СА. 1957, № 2.
- Кожемяко, 1959.— *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
- Майдар, 1971.— *Майдар Д.* Архитектура и градостроительство Монголии. М., 1971.
- Маньковская, 1980.— *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX века). Таш., 1980.
- Марко Поло, 1955.— Книга Марко Поло. Пер. со старофранц. И. П. Минаева. М., 1955.
- Марков, 1976.— *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Миллер, 1937.— *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.—Л., 1937.
- Окладников, 1957.— *Окладников А. П.* Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданьцзянь.— СА. 1957, № 3.
- Палладий, 1892.— *Палладий*. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия.— ЗИРГО по общ. геогр. 1892, т. 22, вып. 1.
- Покотилов, 1893.— *Покотилов Д.* У Тай, его прошлое и настоящее. Отчет о поездке, совершенной в мае 1889 г., Д. Покотилова.— ЗИРГО по общ. геогр. 1893, т. 22, вып. 2.
- Рашид ад-Дин, 1960.— *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 2. М.—Л., 1960.
- Рубрук, 1911.— *Иоанн де Плано Карпини*. История Монгалов. *Вильгельм де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. Введ., пер. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911.
- Тереножкин, 1966.— *Тереножкин А. И.* Об общественном строе скифов.— СА. 1966, № 2.
- Ядринцев, 1890.— *Ядринцев Н. М.* Путешествие на верховья Орхона, к развалинам Каракорума Н. М. Ядринцева (читано на общем собрании ИРГО 21 февраля 1890 г.). Отд. оттиск. СПб., [6. г.].
- Abel-Rémusat, 1825.— *Recherches sur la ville de Kara-Koroum... Mémoires sur*

- plusieurs questions relative à la géographie de l'Asie Centrale par M. Abel-Rémusat. P., 1825.
- Bernier, 1699.—Voyages de François Bérnier — docteur en Médecine de la Faculté de Montpellier — contenant la Description des États du Grand Mogol... T. 2. Amsterdam, 1699.
- Ögel, 1974.—*Ögel B. Cattle-breeder and agricultural nomadism.*—Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улаанбаатар, 1974.